Для цитирования: Дыдров А. А. Мышление современного человека в контексте инновационной гонки (заметки о романе-антиутопии «Мы») // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 83–88.

УДК 130.2

МЫШЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОЙ ГОНКИ (ЗАМЕТКИ О РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ «МЫ»)[1]

Дыдров Артур Александрович,
Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук,
Российская Федерация, 454080, г. Челябинск,
пр-т Ленина, д. 76.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Аннотация

Предметом данной статьи является специфика мышления современного человека. Утверждается, что калькулирующая мысль неразрывно связана с двумя видами знания – знанием поверхности и устройства сущего. Мышление, озабоченное сущим, теряет нечто жизненно важное – способность перемещаться между метанарративами и вещами. Утрата этой способности может иметь разрушительные последствия для бытия человека. Автор иллюстрирует свои тезисы цитатами из романа-антиутопии Е. И. Замятина «Мы».

Ключевые понятия:
образование,
инновация,
экзистенция,
хранение,
философствование,
философская практика.

В современной российской системе образования происходят значительные изменения формы и содержания учебного процесса. В частности, образовательные реформы касаются соотношения технических и гуманитарных дисциплин. Общеизвестно, что число часов, отведенных на преподавание «наук о культуре», неумолимо сокращается. Дело заключается отнюдь не только в уменьшении числа часов. Корни проблемы переплетены с вопросом о месте гуманитарных наук и философии в жизни учащегося. Наукам о культуре и философии становится тесно на отведенных ей участках образовательной среды. Между тем, вопрос о месте принципиально важен. Это вовсе не праздный вопрос, а вопрос сохранения чего-то очень важного и личного в жизни каждого человека. Возможно, это личное и важное сегодня неприметно. Возможно, оно заброшено и «валяется» [11, с. 92]. В любом случае, это нечто важное, во-первых, нуждается в проговаривании, в выведении из забвения, а во-вторых, в обсуждении. Оно – нечто важное – еще может и должно стать поводом к разговору [16, с. 119–124].

Ориентиром предполагаемого ответа на вопрос о сохранении важного, но задвинутого, послужат заметки из дневника персонажа антиутопии Е. И. Замятина: «Знакомо ли вам это странное состояние? Ночью вы проснулись, раскрыли глаза в черноту и вдруг чувствуете – заблудились, и скорее, скорее начинаете ощупывать кругом, искать что-нибудь знакомое и твердое – стену, лампочку, стул» [5]. Обозначенная цель может показаться неоправданно претенциозной: место философии искали виднейшие мыслители с древности до наших дней. Общеизвестно, что поиски «ареала обитания» философии были неразрывно связаны с вопросом «что такое философия?». Определения «чтойности» философии очерчивали то, без чего философия не может быть философией. Нет нужды в споре с авторитетными и обоснованными мнениями известных мыслителей, указавшими на место философии и на ее отношения с «соседями»: религией, искусством и наукой. На эту тему уже написано и сказано многое, и, по-видимому, ничего принципиально нового сказать не получится.

В сравнении с вопросом «что такое философия?» вопрос о месте философии в жизни современного человека частный. Так поставленный вопрос сам требует прояснений: в чем особость «современного человека»? На каком основании «современному человеку» дан приоритет? Удовлетворительный набросок ответа был сделан в памятной

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

речи М. Хайдеггера: *Сегодняшний* [курсив наш – *А. Д.*] человек спасается бегством от мышления» [13, с. 103]. Основания, позволившие немецкому философу обособить современного человека и вынести обозначенный вердикт, сводились к мировоззренческому перевороту в Новое время. В эпоху научной и производственной революций человек был «пересажен» в другую действительность. Вместе с тем М. Хайдеггер понимал, что нельзя взять и обвинить историю в том, что она принесла человека в жертву прогрессу. На самой «жертве» стоит печать вины: человек превратил природу в объект. Объективируя мир, «жертва», в конечном счете, объективировала и самую себя. Человек попытался (и продолжает попытки) расчленить себя на столько частей, сколько требовалось для успешного самопознания. И мир, и человек были открыты для «атак вычисляющей мысли» [13, с. 107].

Рано или поздно любая состоявшаяся революция сеет и дожидается всходов. Современный человек пожинает плоды прошлого и применяет, в общем, ту же технологию, что применялась его предками, – технологию расчета. По выражению М. Хайдеггера, «каждая вещь становится лишь тем, чем она считается» [14, с. 39]. Важнейшая задача науки, под флагом которой проходит жизнь современного человека, заключается в «размыкании всего пространства истины природы и истории» [14, с. 41]. Природу и историю умещают в прокрустово ложе шкалы измерений. Причем подобное насилие совершается отнюдь не только учеными. В западной культуре, по мнению Р. Барта, возникла специфическая система мифов, прочно укорененных в сознании современного человека: «Цель мифов – это обездвижение мира; они должны давать внушительную картину вселенского хозяйственного механизма с раз и навсегда установленной имущественной иерархией» [3, с. 126]. Человек убежден в том, что мир исчислим. Он признает, что еще далеко не все изучено, но вместе с тем ничуть не сомневается в мощи разума и науки. Об этом свидетельствует, например, популяризация метрологии и ее вторжение в «науки о культуре». «Чернота» мира – это временное неудобство, которое человек вынужден терпеть до тех пор, пока не найдется необходимый источник света и не поможет освободить вещи от тирании мрака. Высвеченные вещи явятся субъекту в полноте своих форм и будут доступны для *разностороннего* исследования. Знание о том, что вещи погружены во мрак и что они каким-то необъяснимым образом уклоняются от света или не умещаются в подготовленное для них прокрустово ложе, вызывает ужас.

Как и персонаж известного романа-антиутопии, мы боимся темноты. В «Духе позитивной философии» О. Конт лаконично выразил одну из наших насущных потребностей: «В самом деле, средний человек, который не хочет стать ни геометром, ни астрономом, ни химиком и т. д., постоянно испытывает одновременную потребность во всех главных науках, сведенных к их основным понятиям; ему нужна, по замечательному выражению нашего великого Мольера, *ясность во всем* [курсив наш – *А. Д.*]» [6]. Правда, в ясности нуждаются не только «средние» люди, но и ученые мужи. Образно говоря, они хотят, чтобы свет горел всегда, вещи никогда не погружались бы во мрак, не *таились*, и были в наличии [12, с. 237]. По мере возрастания мощи науки вещи освещались одна за другой; одну за другой их выводили из потаенности и ставили на службу разуму и прогрессу.

Выведение из мрака на свет есть шаг присутствия навстречу вещи. Оно является одним из условий озаботившегося «бытия-при». Обозначенный шаг необходим для будущего «имения-дела» с вещью [11, с. 100]. От того, какого рода это имение-дела, зависит понимание и истолкование подручного. Имение-дела с освещенной вещью может конституироваться заданием «для чего». В этом случае субъект определяет ее назначение. Современная молодежь часто (если не как правило) понимает под сущностью вещи именно ее назначение и ничего кроме назначения. Вполне возможно, М. Хайдеггер был прав, когда выражал опасения по поводу «кривизны» нашего восприятия: «Не создает ли отсутствие этого “как” непосредственную прямоту восприятия?» [11, с. 174]. На непосредственную прямоту восприятия вещей влияет отнюдь не только вопрос «как», но и вопрос «для чего». Вопрос «что» занимает свое достойное место в красном углу и «лежит» до любого «тематического» высказывания о вещи. Но на деле он оказывается задвинутым и забытым, подобно хламу. Он не лежит «под паром», ожидая обращения. Современный человек смело «перешагивает» через этот вопрос и пытается ответить на «истинно полезные» тематические вопросы. К сожалению, для столь пессимистического суждения есть некоторые основания: в моей педагогической практике нередки случаи, когда студенты в недоумении спрашивают, *ради чего* философия ищет сущности вещей? Не является

ли действительно *нужным* лишь знакомство с *устройством* вещи? Подобно тому, как лучшими философами в эпоху Просвещения называли патологоанатомов, представители современной молодежи считают мыслителями тех, кто хорошо разбирается во «внутренностях» вещей.

Опасения, обусловленные задвиганием вопроса о чтойности, побуждают современного человека к робким шагам в разбирательстве с забытым вопросом. Принципиально важно то, *как* осуществляется возврат к обозначенному вопросу. Например, в докладе, подготовленном работниками Сколково (2013), неоднократно употреблялся философский термин «онтология». Он был изъят из родного философского контекста и пересажен в почву инженерно-технической мысли. Авторы доклада назвали онтологами инженеров «особого рода», составляющими «базовый словарь» проектирования и производства нового продукта с учетом будущего внедрения новации в производство и быт [4, с. 47]. Онтологи описывают «базовые пользовательские характеристики решений и устройств» [4, с. 47]. Схожим образом онтология трактуется С. Б. Переслегиным и другими исследователями [9]. Онтологией называют идею, вписывающую вещь в тот или иной контекст, размещающую вещь среди других вещей [9, с. 121]. Если вещь оказалась неуместной, не оправдала надежд и не реализует определенные функции, то ее появление на свет есть не что иное, как следствие «онтологической ошибки» [9, с. 121]. Кроме того, слово «онтология» сегодня употребляется во множественном числе [2, с. 312], обозначая «базовые характеристики» технических устройств.

Выражает ли инженерная онтология в действительности движение мысли к сущности? На этот вопрос мы вынуждены ответить отрицательно. Базовые *пользовательские* характеристики и перечень функций вещи не есть ее сущность. Инженерная онтология не достигает сущности вещи, а удовлетворяется предположениями о соответствии функций технического устройства запросам времени, политической, социально-экономической, технико-технологической, культурной ситуации. Перед инженерами «особого рода» всегда стоит фигура пользователя – адресата новации. По-видимому, инженерная онтология пользуется инструментальным подходом, о котором, в частности, писал М. Хайдеггер [12, с. 222]. В фундаментальной онтологии М. Хайдеггера привычные представления о технике как о средстве маркированы как «инструментальное определение» [12, с. 222]. Инструментальный подход позволяет говорить о технике исключительно как о «средстве-для» и о последовательности «действий-для».

Пользуясь образом из романа-антиутопии Е. И. Замятина, можно сказать, что инженеры-онтологи хорошо ориентируются в темноте. Они уверенно опираются на вещи, потому что помнят о месте нахождения каждой. Ощупывая поверхность, они без особого труда могут назвать тот предмет, которого касаются. Без особого труда они дают предметам названия. Исчерпывающее описание функций вещи, перечисление возможных сфер ее использования, размещение вещи в технико-технологическом, социально-экономическом, политическом и культурном контекстах венчают инженерную мысль. Сказанное не умаляет и не должно умалять достоинств инженерной онтологии: польза инженерного мышления очевидна и не подлежит сомнению. То, что подлежит сомнению, сводится скорее к технико-технологической мифологии.

Как и любая другая мифология (политическая, научная, христианская и т. д.), инженерная мифология дифференцирует мир. В «багаже» инженерной мифологии есть различные основания для дифференциации. Эти основания, подобно старым письменам на пергамене, всегда проступают сквозь позднейшие наслоения. Одно из оснований для дифференциации можно обозначить как степень соответствия вещи требованиям времени. Данная формулировка означает то, что каждая вещь включается в определенный контекст и должна ему соответствовать, соединяться с другими вещами, включаться в иерархические и (или) сетевые структуры. Но на любую созданную вещь уже брошена тень устаревания. Рано или поздно любая вещь станет неуместной (хлам) и будет лишь по счастливой случайности занимать некогда отведенное ей место. Устаревание – один из важнейших терминов инженерной онтологии. Инженеры и экономисты (вслед за ними и другие специалисты) пользуются также терминами «функциональный износ», «моральное устаревание» [8, с. 168], «функциональное устаревание» (functional obsolescence») [1, с. 415]. Моральное устаревание вещи, конечно, не связано с физическим процессом разложения. Маркеры устаревания вещи знакомы каждому (отсутствие специалистов по ремонту, отсутствие запасных частей, несоответствие техническим, правовым и иным нормам и т. д.). Современный

человек хоронит вещь не только потому, что она перестала выполнять заданные функции, но и потому, что она теряет связи с динамическим контекстом. Инженерная онтология обслуживает динамический контекст и в определенном смысле задает его динамику.

Инженерная мифология делит мир на «своих» и «чужих» – творцов и потребителей, практиков и теоретиков, инноваторов и обскурантов, технических специалистов и гуманитариев. В действительности категорий гораздо больше, однако обозначенных вполне достаточно для раскрытия данного тезиса. Дискурсы экономики, предпринимательства и бизнеса обслуживают (и в определенном смысле создают) инженерную мифологию, подчеркивая избранность инженеров-инноваторов. В качестве примера процитируем статью директора Института инженерного предпринимательства С. В. Хачина: «Каковы же критерии, которым должен отвечать человек, чтобы стать успешным в создании и внедрении инноваций?

Здесь отчетливо прослеживаются два вектора. Во-первых, человек должен быть способным и хорошо обученным инженером, чтобы суметь самому сгенерировать техническое решение либо понять суть изобретения, сделанного кем-то другим. И, во-вторых, он должен иметь предпринимательские навыки, чтобы понять, что хочет потребитель, предвосхитить его ожидания, выбрать оптимальную программу внедрения продукта на рынок» [15].

Строитель Интеграла Д-503 лихорадочно ощупывал вещи, а его воображение незамедлительно рисовало картины привычного, обжитого предметного мира. Иногда он смотрел на плод своей профессиональной деятельности и воображал то, как Интеграл «проинтегрирует» всю Вселенную. Нечто похожее делает инженер. Он ощупывает вещи, дает им имена и воображает, как, когда и кем эти вещи будут использоваться, как повлияют на бытие индивида, общества и мира. Сегодня мысль о совмещении инженерного таланта и предпринимательских способностей выглядит тривиальной. Как и любая другая прогрессивная мифема, эта мысль натурализовалась и кажет себя очевидной истиной. Столь же очевидно и то, что свет необходим лишь для обзора внутримирного сущего и подручного. Соглашаясь с этим, современный человек признает и то, что он прикован к вещам. В сферу его интересов попадают только предметы. Во взаимодействии с подручным возможны только два вида знания – знание поверхности и знание того, что под поверхностью (структура, устройство, механизм, сочленения частей).

Обозначенные категории знания будто бы исчерпывают знание как таковое. Эту пессимистическую мысль подтверждает педагогическая практика: рассуждая о категории сущности, современные студенты неизменно отождествляют сущность вещи с ее устройством или механизмом. Знание о сущности вещи приходит только после ее вскрытия и разложения на элементы. Деление знания на два вида очень прочно связано с укоренной в мышлении идеей о существовании в научных и технических областях специалистов и дилетантов, знатоков и профанов. Первые состоялись в определенном качестве, а вторые должны пройти обряд инициации. Первые знают о том, что под поверхностью, разбираются в структуре и элементах вещи. Вторые скользят по поверхности или робко заглядывают внутрь. Подготовка к обряду инициации осуществляется в течение длительного времени. Инженерно-экономическая мифология имеет внушительные перечни «требований эпохи» к неофитам (см., напр., публикации К. Л. Левкова и О. Л. Фиговского [7, с. 2–11], В. Н. Стегнего [10, с. 95–102]). Обыватель, как гласят интеллектуалистские мифемы, вполне довольствуется ощупыванием поверхности вещи. Указать на то, что было отодвинуто и, возможно, превратилось в хлам, не просто, так как наше указание не может совершиться без артикуляции, или проговаривания. Возможно, рискнув и проговорив это, мы не добавим ничего, кроме языкового «налета», скрывающего даже поверхность.

Во время пребывания за Зеленой Стеной И-330 успокаивала возбужденного Д-503: «Разве кому-нибудь там, за Стеною, придет в голову, что мы здесь? Вспомни: вот ты – разве ты когда-нибудь думал, что это возможно? Они ловят нас там – пусть ловят!» [5]. Оказаться по другую сторону Стены, быть вырванным из контекста, «зоны комфорта» – не этого ли боится современный человек? Мы боимся потерять вещь из виду, нас пугает сама мысль об отсутствии подручного – того, что всегда можно нащупать и этим успокоить трепещущее Я. Между тем, именно дистанцирование оказывается одновременно губительным и спасительным для Д-503: губительным, потому что государственный механизм лишился шестеренки, спасительным, потому что за Зеленой Стеной Д-503 был человеком, а не винтиком

Мегамашины: «Это было до такой степени невероятно, до такой степени неожиданно, что я спокойно стоял – положительно утверждаю: спокойно *стоял* [курсив мой – *А. Д.*] и смотрел» [5]. Современный человек не делает остановок. Образное сравнение социальных институтов с мчащимися по автостраде автомобилями уже стало избитой истиной. И социальные структуры, и индивиды участвуют в инновационной гонке, в мозговом штурме, в соревновании по производству новых идей.

Остановка позволяет человеку сохранить дистанцию, даже если эта дистанция минимальна. В мире математической точности, расчетов и измерения, остановка преступна. Один из тяжких грехов любого функционера – остановиться и задуматься. Философия не только вопрошает о роли и ценности остановки, но и осуществляется через нее, будучи «жизнью-в-пути». Нельзя философствовать, ощупывая или с нетерпением взламывая сущее и изучая его внутренности. То, что нужно вывести из тени, может быть предварительно обозначено как *способность дистанцироваться*. Дистанция позволяет держать сущее в поле зрения и не прилипать в его поверхности. По мере увеличения дистанции сущее расплывается до неразличимости: тогда возникают оторванные от реалий абстракции и схемы, рождаются метанарративы. «Жизнь-в-пути» проходит на территории между полюсами. Верным спутником «жизни-в-пути» является мышление, *дрейфующее между метанарративами и сущим*, избегающее как состояния слепоты к сущему, так и растворения в вещах. Если предать это мышление забвению, задвинуть его и «раствориться» в сущем, то рано или поздно болезненный вопрос о человечности человека обязательно возникнет. Он – подлинный вопрос – не появится в пространстве публичности, не будет обсуждаться экспертными советами, но взбудоражит экзистенцию и коснется нашего отношения к бытию [11, с. 27]. Тогда, чтобы хоть как-то ответить на этот вопрос, нам придется отклеить себя от сущего, и отрыв будет болезненным.

1. Francke M.K. van de Minne A.M. Land, Structure and Deprecation // Real Estate Economics. 2017. Vol. 45-2. Pp. 415–451.

2. Teymourlouie M. Detecting hidden errors in an ontology using contextual knowledge // Expert Systems with Applications. 2018. Vol. 95. Pp. 312–323.

3. Барт Р. Мифологии // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 46–130.

4. Будущее образования: глобальная повестка. Сколковский институт науки и технологии, 2013. 212 с.

5. Замятин Е. И. Мы. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml (дата обращения: 04.02.2018).

6. Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Kont_Duh_pozitivnoy_filosofii.pdf (дата обращения: 04.02.2018).

7. Левков К. Л., Фиговский О. Л. О подготовке инновационных инженеров // Инженерный вестник Дона. 2010. № 2. С. 2–11.

8. Панькова А. Н. Функциональный износ, причины возникновения, методы расчета // Символ науки. 2016. № 8. С. 168–171.

9. Переслегин С. Б. Инженерная онтология. URL: http://hse.edu.urfu.ru/Projects/ingener2/uploaded/files/77823_42057_EngineerOntology_Pereslegin_2.pdf (дата обращения: 04.02.2018).

10. Стегний В. Н. Исследование качеств инженера в контексте компетентностного подхода // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 95–102.

11. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.

12. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие : ст. и выступления. М. : Республика, 1993. С. 221–238.

13. Хайдеггер М. Отрешенность / Разговор на проселочной дороге : сборник. М. : Высш. шк., 1991. С. 102–111.

14. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М. : Академ. проект, 2013. 288 с.

15. Хачин С. В., Кизеев В. М. Инноваторами становятся! URL: http://www.credo-dialogue.com/getattachment/3ad2f80f-f6ca-489e-9f6f-e00a0704e126/ Innovathions-stanovjatsja.aspx (дата обращения: 04.02.2018).

16. Щедрина Т. Г. Федор Степун: разговор как форма философской жизни // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 119–124.

References

1. Francke M.K. (2017) *Real Estate Economics,* vol. 45-2, pp. 415–451 [in Rus].

2. Teymourlouie M. (2018) *Expert Systems with Applications,* vol. 95, pp. 312–323 [in Rus].

3. Bart R. (1989) Mifologii. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika. Moscow, Progress, pp. 46–130 [in Rus].

4. Budushhee obrazovanija: global'naja povestka (2013). Skolkovskij institut nauki i tehnologii, 212 p. [in Rus].

5. Zamjatin E.I. My, available at: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml (accessed 04.02.2018) [in Rus].

6. Kont O. Duh pozitivnoj filosofii. Slovo o polozhitel'nom myshlenii, available at: http://www.100bestbooks.ru/files/Kont_Duh_pozitivnoy_filosofii.pdf (accessed 04.02.2018) [in Rus].

7. Levkov K.L. (2010) *Inzhenernyj vestnik Dona,* no. 2, pp. 2–11 [in Rus].

8. Pan'kova A.N. (2016) *Simvol nauki,* no. 8, pp. 168–171 [in Rus].

9. Pereslegin S.B. Inzhenernaja ontologija, available at: http://hse.edu.urfu.ru/Projects/ingener2/uploaded/files/77823_42057_EngineerOntology_Pereslegin_2.pdf (accessed 04.02.2018) [in Rus].

10. Stegnij V.N. (2010) *Vysshee obrazovanie v Rossii,* no. 5, pp. 95–102 [in Rus].

11. Hajdegger M. (2003) Bytie i vremja. Har'kov, Folio, 503 p. [in Rus].

12. Hajdegger M. (1993) Vopros o tehnike / Vremja i bytie: stat'i i vystuplenija. Moscow, Respublika, pp. 221–238 [in Rus].

13. Hajdegger M. (1991) Otreshennost' / Razgovor na proselochnoj doroge: sbornik. Moscow, Vysshaja shkola, pp. 102–111 [in Rus].

14. Hajdegger M. (2013) Chto takoe metafizika? Moscow, Akademicheskij proekt, 288 p. [in Rus].

15. Hachin S.V. Innovatorami stanovjatsja! Available at: http://www.credo-dialogue.com/getattachment/3ad2f80f-f6ca-489e-9f6f-e00a0704e126/Innovathions-stanovjatsja.aspx (accessed 04.02.2018) [in Rus].

16. Shhedrina T.G. (2015) *Voprosy filosofii,* no. 10, pp. 119–124 [in Rus].

For citing: Dydrov A.A. Thinking of a contemporary man in the context of the innovation race (remarks on the anti-utopia novel "We") // Socium i vlast'. 2018. № 2 (70). P. 83–88.

UDC 130.2

THINKING OF A CONTEMPORARY MAN IN THE CONTEXT OF THE INNOVATION RACE (REMARKS ON THE ANTI-UTOPIA NOVEL "WE")

Dydrov Artur Alexandrovich
South Ural State University,
Associate Professor of the Department of Philosophy, Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, Lenina St., 76.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Annotation
The subject of this article is the specificity of the thinking of a contemporary man. It is argued that calculative thinking is inextricably linked with two types of knowledge – knowledge of the surface and the device of things. Thinking, concerned about things, loses something vital – the ability to move between metanarratives and objects. The loss of this ability can have devastating consequences for the human existence. The author illustrates his thesis with quotations from the dystopia of Evgeniy Zamyatin «We».

Key concepts:
education,
innovation,
existence,
storage,
philosophizing,
philosophical practice.